

ВРЕМЯ И МЕСТО

Клара Лучко

В первые дни нового года народной артистке СССР Кларе Лучко вручили премию Гильдии актеров кино России «За выдающийся вклад в профессию». Из международного биографического центра в Кембридже ей прислали диплом «Женщина тысячелетия» за заслуги в развитии мирового киноискусства. А в издательстве «Коллекция» «Совершенно секретно» выходит ее книга «Виновата ли я?»

Главы из книги мы и предлагаем вниманию наших читателей.

КУБАНСКИЕ КАЗАКИ

«КУБАНСКИХ казаков» началась моя жизнь в кино. И этот фильм сопровождает меня всю жизнь, пройдя через смену эпох и настроений разных поколений. Он стал не только частью моей личной биографии, но и маленькой частичкой биографии моей страны.

Нет, пожалуй, ни одного человека старшего, да и среднего поколения, который бы не видел фильм, не знал песен, звучащих до сих пор, хотя картина снята чуть ли не полвека назад.

Мне повезло, что меня пригласил сниматься Иван Александрович Пырьев. Пригласил на роль молодой героини в музыкальной комедии «Кубанские казаки».

Иван Александрович Пырьев — легенда советского кино. О нем рассказывали самые невероятные истории, вокруг его имени было много слухов, споров и легенд.

Но каждая его картина становилась событием. Его фильмы смотрела вся страна. И вся страна пела песни, прозвучавшие с экрана, их любили и знали наизусть.

В то время я только что с отличной окончила институт и меня пригласили работать в Театр киноактера. Однажды в фойе появилось объявление о том, что Иван Александрович Пырьев будет читать новый сценарий музыкальной комедии «Веселая ярмарка».

Тогда в театре был актерский отелд, как бы творческий штаб. Актер мог прийти, взять сценарий, почитать, сделать заявку, и тогда режиссер обязан был провести его пробы.

Это не означало, что актер обязательно попадет на роль. Но это были хорошие творческие практики.

Я, конечно же, пошла на читку сценария «Веселая ярмарка».

В театре все уже знали, что наш учитель Герасимов посоветовал Пырьеву своих учениц — моих подруг. Они были кандидатами на роли. Вижу, они волнуются.

Поскольку меня никто не рекомендовал, я слушала все с интересом, но без особого волнения. Надо сказать, что Сергей Аполлинариевич Герасимов написал в моей характеристике по окончании института: «Лучко — тургеневская героиня, ей надлежит играть лирические, классические роли». Мне даже в голову не приходило, что я смогу сыграть молодую колхозницу Дашу Шелест в «Веселой ярмарке».

Пырьев был великолепным актером и читал сценарий так, что зал хохотал, порой просто стонал от смеха. И потому, когда чтение закончилось, Пырьеву долго аплодировали, а каждый про себя думал: хорошо бы попасть в картину.

Прошло несколько дней, и вдруг меня, в числе других молодых актрис, приглашают на фотопробу. Я была уверена, что героини будут играть те, кого рекомендовал учитель, мой же удел — массовка. А сниматься в массовке, быть членом звена одной из героинь, я твердо это для себя решила, — не буду. Не буду, и все. Я вырву несуществующий аппендицит, но не пойду. Сказала в актерском отделе, что я плохо себя чувствую... А меня стали уговаривать:

— Клара, ты должна прийти, попробовать, а дальше — как пойдет... Таковы правила.

Я нехотя пришла на студию. Уже до меня пробовались многие молодые актрисы. Всем заплели косы, опели в яркие кофты, юбки, которые в ту пору носили молодые девушки на Кубани. А когда я пришла, уже и костюмы все разобрали. Грушевая сказала, что положено две косы, а у нее осталась только одна.

— Ну какая разница, — говорю. — Я платочек сверху повяжу, и не будет видно, есть у меня коса или нет.

Вдруг в гримерную входит ассистент режиссера Арто и говорит:

— Лучко — к Пырьеву...

Меня привели к Пырьеву. Он посмотрел на меня и обратился к Арто:

— Надо орденочки ей какие-то надеть.

И тут же мне:

— А ну-ка сними платок...

Я снимаю.

— Что это такое? Почему у тебя одна коса? Что за небрежность?

— Иван Александрович, — говорю я, — никто не виноват. Другой косы у примеров не было. Ну какая разница... Я платок повязала...

— Нет-нет. Тебе надо две косы...

Арто получил нагоняй. Пример-

Клара Лучко.

ЖИЗНЬ — ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО КИНО

Две роли — одна судьба. Главы из книги

ша тоже.

— Из-за тебя нам попало, — сказали они с обидой.

Но я-то при чем... Арто пошел меня в фотоцех. Фотограф командует:

— Смотри вправо, голову влево, повернись сюда...

И вот я сижу в такой позе — с кривой шеей, с кула-то заведенными глазами, а в это время от-крывается дверь и стремительно входит Пырьев.

— Ты чего так сидишь?

Схватил меня за голову, резко повернул. И фотографа:

— Ты вот так ее снимай. Мне просто надо снять. Просто... По-няй?

Я думаю: Боже мой, действительно он такой, как о нем гово-рят. Если вдруг меня удержат, то как я буду сниматься у него? Нет, я не смогу. Я крика и грубого от-ношения никогда не терпела.

Прошло какое-то время, и я узнаю, что у меня будут кинопробы на роль молодой героини Дашы Шелест. Перед пробами Иван Александрович сказал мне:

— Я хочу, чтобы симпатичны ты и Владимир Давыдов. Он жениха твоего будет играть. Должна быть красивая идеальная пара. Я буду вас снимать, но вы будете пробовать наравне со всеми.

Через несколько дней на студию я встретила Пырьева.

— Девушка, — сказал он, — только что закончился художественный совет. Вас утвердили. Поздравляю и желаю успеха. Вы будете много и успешно сниматься в кино.

Сказать, что мне было очень приятно — значит ничего не сказать. Я была счастлива.

Перед началом съемок и отъездом в экспедицию на Кубань не-сколько актеров сидели в гример-ной. Мы ждали Ивана Александровича Пырьева — он должен был утвердить наш грим. Я сидела на столе и ждала своей очереди. От-крылась дверь, и на пороге по-явился Сергей Владимирович Лукьянов. Он исполнил в фильме главную роль Гордея Ворона.

Увидев меня, он сказал:

— Я пропал! — и, повернувшись, ушел.

После выхода картины на экран сказанная тогда в гримерной, об-летела всю Москву. Вскоре у нас родилась дочь Оксана. К сожалени-ю, у Сергея Владимировича было больное сердце и в самом

расцвете своего таланта он ушел из жизни. Было ему всего 55 лет.

Это был великий русский актер. Хоронила его вся Москва. Про-шло время. У своих друзей и по-знакомых с журналистом Дми-трием Мамлеевым, он был в ту пору ответственным секретарем газеты «Известия». От моих дру-зей мы вышли вместе и пошли искать такси. Вот так до сих пор и «ходим» и скоро «пойдем» до се-ребряной свадьбы...

Картины снимали в совхозе-миллионере «Кубань». В ту пору это было известное на всю страну хозяйство. Были здесь и двух-этажный клуб, и ресторан, и гости-ница, и школа.

Перед тем как начать снимать, Пырьев заставил нас всех порабо-тать на комбайне. Как раз была страшная пора. Мы и на комбайне работали, и ночью зерно стреляли на току — старались войти в жизнь совхоза.

Пырьев приходил в гости, ни-когда не забывал, как раз была страшная пора. Мы и на комбайне работали, и ночью зерно стреляли на току — старались войти в жизнь совхоза.

Пырьев приходил в гости, ни-когда не забывал, как раз была страшная пора. Мы и на комбайне работали, и ночью зерно стреляли на току — старались войти в жизнь совхоза.

Пырьев приходил в гости, ни-когда не забывал, как раз была страшная пора. Мы и на комбайне работали, и ночью зерно стреляли на току — старались войти в жизнь совхоза.

Пырьев приходил в гости, ни-когда не забывал, как раз была страшная пора. Мы и на комбайне работали, и ночью зерно стреляли на току — старались войти в жизнь совхоза.

Пырьев приходил в гости, ни-когда не забывал, как раз была страшная пора. Мы и на комбайне работали, и ночью зерно стреляли на току — старались войти в жизнь совхоза.

Пырьев приходил в гости, ни-когда не забывал, как раз была страшная пора. Мы и на комбайне работали, и ночью зерно стреляли на току — старались войти в жизнь совхоза.

Пырьев приходил в гости, ни-когда не забывал, как раз была страшная пора. Мы и на комбайне работали, и ночью зерно стреляли на току — старались войти в жизнь совхоза.

Пырьев приходил в гости, ни-когда не забывал, как раз была страшная пора. Мы и на комбайне работали, и ночью зерно стреляли на току — старались войти в жизнь совхоза.

Пырьев приходил в гости, ни-когда не забывал, как раз была страшная пора. Мы и на комбайне работали, и ночью зерно стреляли на току — старались войти в жизнь совхоза.

Пырьев приходил в гости, ни-когда не забывал, как раз была страшная пора. Мы и на комбайне работали, и ночью зерно стреляли на току — старались войти в жизнь совхоза.

Пырьев приходил в гости, ни-когда не забывал, как раз была страшная пора. Мы и на комбайне работали, и ночью зерно стреляли на току — старались войти в жизнь совхоза.

Пырьев приходил в гости, ни-когда не забывал, как раз была страшная пора. Мы и на комбайне работали, и ночью зерно стреляли на току — старались войти в жизнь совхоза.

рячился, и, зная это, Любимов и Давыдов иной раз ему снисходи-тельно прощали.

Но зато когда он выигрывал, был счастлив и приговаривал:

— Вот теперь можно объявить перерыв на обед. Будет чем запла-тить...

Но все, что касалось съемок, было для него свято, здесь он был неистов, готов на все, лишь бы получилось так, как он замыслил.

В «Кубанских казаках» есть сцена на ипподроме, где решается судьба Дашы Шелест, мой героини. Соревновались Васья Тузов из моего колхоза и Коля Ковылев, мой жених, из другого колхоза. Актеры Андрей Петров и Владимир Давыдов, которые специально учились верховой езде, были по-стоянно объектами критики Пырьева. Им доставалось после каж-дого дубля. И когда, по мнению Пырьева, не получился очередной дубль, он пришел в ярость. В бешенстве он стаял с лошадьми первого подвернувшегося актера, вскакивал в седло, как был в жи-ваке и тапочках, помчался по кругу ипподрома и скакал до тех пор, пока лошадь не взмокла и у нее на губах не появилась пена... Соско-чил с лошади и крикнул:

— Вот так надо!

На следующий день кто-то спросил у него, где это он учился верховой езде. Иван Александрович мрачно ответил:

— В детстве. Когда пастухом был...

Помню, снимали сцену на яр-марке. Актёры шли с воздушными шарами, и надо было держать шары так, чтобы они попадали в кадр. Одному из участников съемки это никак не удавалось.

Тогда Пырьев опустился на коле-ни и пополз к актеру, умоляя его пронести воздушные шары как надо. На глазах у Пырьева были слезы...

...Уже по сценарию и по пер-вым съемкам стало ясно, что кар-тина состоится...

Когда заканчивались съемки, Иван Александрович подошел ко мне...

— Так, мы сейчас сняли сцену в гостинице, и вот когда я посмот-рю материал, я тебе скажу — полу-чилась у тебя роль или нет.

Когда картина вышла на экра-ны, я даже не предполагала, что произойдет со мной. По радио ежедневно передавали песни «Ой, цветет калина...» и «Каким ты был, таким остался...».

Комедия стала называться «Ку-банские казаки». Это название предложил Сталин, когда ему по-казали картину. В фильме была песня, ее исполнял Владимир Да-выдов.

Мы с тобой не дружили, Не встречались по весне, Но глаза твои большие Не дают покоя мне...

Сталин сказал, что эта песня не нужна... Давыдов молодой, кра-сивый артист. Только что снялся в фильме «Встреча на Эльбе», иг-рал главную роль — офицера Со-ветской армии, победившей ар-мии, и вдруг будет петь, как в опе-ретте... Нет. Он — герой и должен остаться героем.

Картина пошла сразу во всех кинотеатрах Москвы. Показывали ее днем и в Театре киноактера, на улице Воровского. Вечером в зале играли спектакли, а днем шли фильмы. Помню, как я заглянула в зал и услышала смех, просто взрывы гомерического хохота.

А потом пошли письма. Мне писали тысячи зрителей, они смотрели фильм много раз и зна-ли наизусть все песни.

Одна молодая женщина напи-сала, что будет смотреть все филь-мы с моим участием. «Я вас очень люблю», — писала она, — потому что из-за вас я вышла замуж за за-мечательного парня и мы живем очень хорошо».

На меня обрушился шквал пи-сем от женихов. Писали со всей страны, предлагали руку и сердце. Каждое время выдвигает своих героев. Симпатичная девушка, работница, Горой Труда, веселая. Ну почему не считать ее идеалом невесты? Почему на такой девуш-ке не жениться? Многие парни присылали фотографии, сообща-ли, сколько они зарабатывают, где работают, есть ли у них квар-тиры...

Я запомнила одного — его звали Константин Дмитриевич. У него был свой дом и большая отара овец. Он писал, что я ему полно-билась с первого взгляда и если я не смогу или не захочу приехать к нему на Кубань, то, так и быть, он готов проехать свой дом, своих овец и приехать ко мне в Москву.

Тогда я только удивлялась. Принято, конечно, такое внима-ние, но как можно, увидев карти-ну актрису, воспринять ее как невесту и хотеть на ней жениться. Но тогда это было обыкновенно. Даже директор Театра киноактера Анощенко как-то признался, что

в молодые годы работал на Севере и все время искал девушку, похо-жую на меня.

Картина имела огромный успех еще и потому, что она была снята в прекрасных условиях. Оператором Павловым, прекрасном смонтиро-вана, в ней снимались талантли-вые актеры. Во всем чувствовался темперамент Пырьева, необуздан-ный, горячий... Его юмор, его талант.

Но у картины оказалась не только сказочная, но и драма-тическая судьба. Первое время кар-тину превозносили, о ней писали газеты и журналы, а я вместе с другими членами группы была удостоена Сталинской премии.

Тогда же и получила свой един-ственный орден — «Знак почта». Больше никаких наград у меня нет. Но тогда — в двадцать с че-тыре года — получить орден и стать лауреатом Сталинской премии было большой редкостью...

Наступил пятидесятый шестой год. XX съезд партии. Хрушев, раз-облачая культ личности, в част-ности сказал, что «Кубанские ка-заки» — это лакировка действи-тельности. Этого было достато-чно, чтобы фильм исчез. Его нигде не показывали. Он исчез даже из биографии Пырьева.

Затем пришел время Брежнева. Фильм переозвучили, реставри-ровали, и он снова вышел на эк-раны.

А в годы перестройки снова ис-чез. Я сама однажды читала в га-зете, что в картине правды нет, а есть сплошная лакировка дей-ствительности. Один молодой жур-налист написал, что картину он не видел, но твердо знает, что картина была вредная.

Как-то меня пригласили на те-лепередачу о фильме, и ведущий общался с зрителем все с теми же вопросами о лакировке. А в студию позвонили очень много зрителей, и не было ни одного, кто бы ни похвалил картину.

Время идет, и сейчас картина вошла в кинотеатры самых по-пулярных советских лент и в «Зо-лотую серию», и ее часто показы-вают различные телеканалы. Мо-лодежь ее смотрит. Мне говорили ребята, пятнадцатилетние-сем-надцатилетние — «Классная картина, здорово смотрится».

Настоящее искусство замеча-тельного режиссера Ивана Алек-сандровича Пырьева не может ка-заться в Лету. И это не лакировка — это хорошая музыкальная коме-

дия, это оперетта, мюзикл, и от него не нужно требовать глобаль-ного изображения событий. Как-то меня пригласили выступить на большом собрании женских орга-низаций. Я вышла на сцену, и вдруг кто-то зашел: «Ой, цветет калина», и весь зал подхватил, все знали слова. Эту песню помнят и поэт до сих пор.

Недавно атаман кубанского ка-зачьего войска вручил мне грамо-ту почетной казачки.

Меняются времена, меняются вожди, сулы и критики, а «Ку-банские казаки» живут и будут жить!

ЦЫГАН

РЕЖИССЕР Театра ки-ноактера Дмитрий Ву-рос прочитал повесть Анатолия Калининна «Суровое поле», и она

его так захватила, что он сделал пьесу и поставил ее. В этом спек-такле играли Нонна Мордюкова, Анатолий Кузнецов и я.

Анатолию Калининну, приехав-шему с Дона в Москву на премье-ру, спектакль понравился. Он благодарил режиссера и нас. На том мы расстались.

Прошло несколько лет, и вдруг меня приглашают на переговоры режиссер Александр Бланк. Я не была с ним знакома, но видела его прекрасные телевизионные фильмы. Оказывается, Анатолий Калинин вместе с дочерью Ната-шей закончили работу над сценарием по повести «Цыганы». Четы-ре серии — телевизионный сери-ал. Когда обсуждали с режиссе-ром, кого пригласить на роль Клавдии, Анатолий Калинин твердо сказал, что он видит толь-ко Лучко. Он запомнил меня в спектакле «Суровое поле» и уве-рен, что я подхожу, тем более что я казачка.

Но начались трудности. Кому-то что-то показалось, и запуск се-риала притормозили. Имя Кали-нина было широко известно, и он, разгневанный, написал пись-мо секретарю ЦК КПСС Михаилу Суслову. Но то ли письмо вове-мя не доложили, то ли помошник не сработал, а дело с мертвой точки не сдвинулось.

Мне посоветовали обратиться к Сергею Георгиевичу Лапину, председателю Гостелерадио СССР. О его жесткости и непри-миримости было много разгово-ров, и потому особо радужных на-дежд на успешный исход встречи я не питала.

Лапин встретил меня приветли-во, предложил кофе и тут же из-влек из ящика стола огромную папку. Тогда только что на теле-экранах прошел фильм «Ольга Сергеевна» с Татьяной Дорони-ной в главной роли. Фильм вы-звал споры, на телевизионе при-шли тысячи откликов, и Лапин, не спросив меня о причине при-хода, стал обсуждать со мной письма зрителей. Мы погово-рили, даже поспорили, он остался доволен нашей беседой. И только после этого спросил:

— Так что вас привело ко мне? Я рассказываю о сценарии, о том, что кто-то тормозит начало рабо-ты. Имена не называла, да все тонкости мне и не были известны.

— Дайте мне несколько дней... И через три дня начались рабо-та над сериалом. Я буду играть Клавдию! Но кто же Будудай? Это идеальный герой! Кто может его сыграть?

Помню, на пробы приехал один актер из Армении, шутливый, не-близкий внешне, с длинными вьющимися волосами, узкоплеч-ный и тонконогий. Когда я увиде-ла его, то подумала: нет, если это Будудай, то я играть не смогу.

— Сапа, — говорю я Бланку, — мне кажется, он не очень подхо-дит. Будудай — это идеальный ге-рой.

— Зато, — ответил Бланк, — этот актер похож на Иисуса Христа. Понимаешь, это очень важно.

Но ведь и я и зрители должны полюбить все-таки Будудая...

Мы долго спорили, и каждый остался при своем мнении. Я ста-ла думать, где все же найти актера, с которым я смогла бы сниматься.

И вдруг вспомнила, что в кино-ленте в картине Николая Гибу «Ко-рень жизни» вместе с Михаем Во-лонтиром, народным артистом Молдавии. В том фильме он играл председателем колхоза, и я по ходу сценария долго и безответно стра-дала по нему.

Михай Волонтир живет в Бель-цах, работает в местном драма-тическом театре. Помню, на «Мо-лдова-фильм» он приехал после те-атральной премьеры и показывал фотографии. Я вспомнила те фо-тографии — кудрявые волосы, шипы на голове. Что-то было в его облике романтическое и зага-дочное.

Я тут же позвонила Бланку. Он, оказалось, видел Михая в фильме «Зона особого внимания», и тот ему запомнился.

Бланк меня послушал. Отправ-ил ассистента со сценарием в Бельцы. Волонтир согласился принять.

Адрес экспедиции был опре-делен. Только Дон. Я, Клара Лучко, а по роли Клавдия Пухлякова, — донская казачка. Запорожская я по рождению, кубанская по из-вестности фильму, а теперь вот и донская. Трижды казачка. Кстати, казаки меня считают своей — по всей России, все территории бывшего (не хочется употреблять это слово) Советского Союза.

И вдруг Бланк говорит, что эк-спедицию, возможно, придется от-ложить. Волонтир в театре не ос-тоялся — предстоит гастроли, а на нем весь репертуар. Что де-лать?

— Сапа, — говорю я Бланку, — добудьте телефон заместителя

председателя Совета министров Молдавии. Мы с ним отдыхали в одном санатории. Давай я позво-ню, попрошу, может, он решит этот вопрос. Телефон достали. Я позвонила.

Говорю, видела по телевизору передачу из Кишинева, сделала комплимент, мол, вы так хороши и по делу выступили! У меня не-большая просьба. Михай Волон-тир должен сниматься в четырех-серийном фильме. Картина про-славит на всю страну не только актера, но и республику. Помогите, чтобы ему в театре предоста-вили отпуск на полгода.

Отпуск Волонтир получил. Сам он был крайне удивлен и только в Москве узнал о моей «тайной» операции. Когда он приехал на Дон, мы уже сняли несколько сцен.

Как раз в день его приезда вся группа смотрела рабочий матери-ал. Волонтир тоже посмотрел и остался доволен.

— Я так рад, что я увидел, как Клара Степановна меня любит. Я должен ее любить еще больше.

Все в группе работало как оле-ржимые: хоть ночью, хоть днем снимай, надо — значит надо. Группа поверила в то, что сериал получится. Но для меня было очень важно, примут ли меня дон-ские казаки, как ко мне относятся станичники.

Женщин с такой биографией, как у Клавдии, на Дону много.

Станичники приходили на съемки, стояли в сторонке, смот-рели...

Мы снимали сцену с Настей. Она беременная, приходит ко мне, а у меня день рождения. Ви-дит полковника, что в доме квар-тировал, отзывает меня в сторон-ку и говорит: «Полковник — хоро-ший человек, но ты должна ждать Будудая». Вот она, бабья сценка. Когда мы ее сыграли, женщины вручили нам цветы. Это было пер-вое признание.

Мы арендовали дом для Клав-дии Пухляковой. Стали думать, как его обставить, какие фотогра-фии повесить, где это все найти.

И женщины-станичники прине-сли все что нужно из своих домов. Нам-то, говорили они, лучше не-сетно, каким должен быть дом Клавдии.

Дом получился уютным. Над комодом повесили старинное зер-кало. Хозяйка зеркала позже по-дарила его мне. Оно так и висит у меня дома, как память о картине, о добрых людях.

Однажды в воскресенье мы снимали в станице Пухляковской. И вот в перерыве, после обеда я спускаюсь по ступенькам сто-ловой и вижу: на скамейках сидят казаки, пьют вино, обсуждают но-восты. Один из них поднялся, по-дошел ко мне и стал рассматри-вать. Мне стало не по себе, нелов-ко. Я была в костюме, в гриме Клавдии.

Наконец казак спросил:

— Ты, говорят у нас, Клавдия играешь?

— Я?... Да, играю.

— Ну что ж, ты ничего... Подхо-дишь. От тутто маловато, — и он показал на грудь...

Ну если только это, подумала я, тогда можно считать, что казаки меня приняли.

Станичники симпатизировали массовкам... Даже в маленьких эпизодах.

Или вот еще любопытное вос-поминание. Сцена драки с Кат-кой Аэропорт. Мы с Ниной Ру-слановой на репетиции решили, что будем драться... мокрым бель-ем.

Русланова в ванной схватила полотенца, намочила. Попроба-вали. Но полотенца легкие. Нейн-тересно. Может быть, скрученны-ми простынями? Это уже посерь-езнее.

Утром на съемке режиссер го-ворит:

— Покажите, как будете драться.

Нам принесли корзину мокрого белья. Катка, то есть Русланова, побойчей меня, схватила просты-ню и как огрела меня по спине. Я аж задохнулась! И тогда я схвати-ла простыню и дала сдачи.

Дрались мы молча, потому что текст забыли. Я раньше никогда не дралась и не понимала, что это азарт появляется, да такой, что обо всем забываешь.

— Отлично, — сказал режиссер. — А где же текст?

Мы отретировались и стали сниматься. Мы дрались, плакали, смеялись и не отдавали этого Бу-дудая друг другу. Словом, полу-чилась настоящая бабья сцена.

По сценарию во время драки идет дождь. Прибыли две пожар-ные машины, набрали воды из Дона и поливали нас от души. Ле-то было жаркое, засушливое, так что поначалу нам даже было при-ятно. Но съемка продолжалась шесть часов. Плятка на меня-ли, мы промокли до нитки. Я ви-дела, что у Нины Руслановой по-синели губы и зуб на зуб не по-падал.

А станичники смотрели, и не-которые плакали.

После съемки я сказала одной женщине:

— Что вы плачете? Это же съем-ка. Вы же видите, стоят остано-вленные приборы, пожарные